

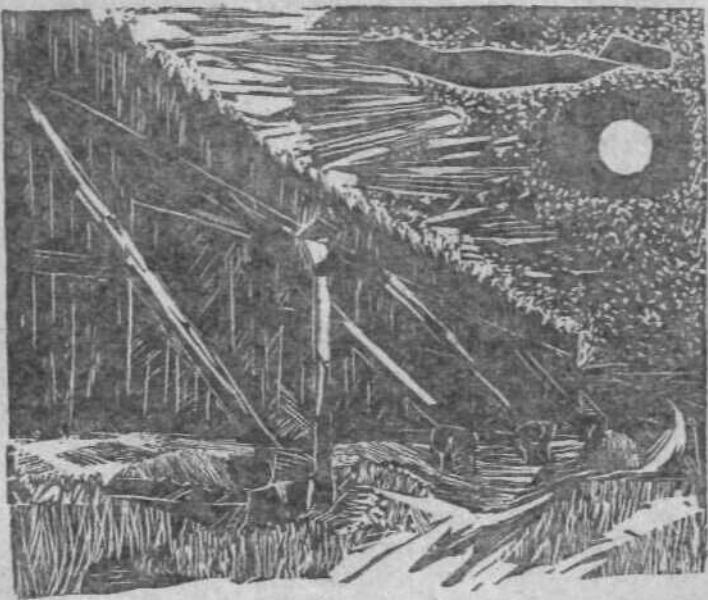
Э. М. РУМЯНЦЕВА

ФЕДОР Михайлович
ДОСТОЕВСКИЙ

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Пособие для учащихся

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Ленинградское отделение
Ленинград 1971

Глава VII В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

«Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!»

Достоевский

В 1854 году кончился срок каторги Достоевского. Он был назначен рядовым в Семипалатинск. «Накануне самого последнего дня, в сумерки, я обошел в последний раз весь наш острог. Сколько тысяч раз я обошел эти пали во все эти годы! Здесь за казармами скитался я в первый год моей каторги один, сиротливый, убитый. Помню, как я считал тогда, сколько тысяч дней мне остается»,

1C4

Выходя с каторги, Достоевский прожил месяц в Омске в доме К. И. Иванова. В это время в Омском кадетском корпусе учился киргиз¹, один из потомков хана Валия Чокан Чингисович Валиханов. Впоследствии Валиханов стал первым казахским ученым-просветителем. Он знал восточные языки, несколько китайских диалектов, изучал историю Казахстана, казахскую литературу и фольклор. Он всегда ходатайствовал перед властями Сибири за «инородцев». Между Валихановым, находившимся в этот период перед выбором жизненного пути, и Достоевским возникли дружеские отношения.

В конце мая 1856 года Чокан Валиханов написал Достоевскому: «Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у вас... вы, конечно, знаете, как я к вам привязан и как я вас люблю».

Достоевский ответил ему на это: «Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к вам, и бог знает как это сделалось».

Дружеские отношения Достоевского и Чокана Валиханова продолжались и в 60-е годы. После путешествия по Западной Сибири Валиханов в 1860 году приехал в Петербург. Достоевский познакомил его с поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, со своим братом и другими литераторами. Работами Валиханова заинтересовались петербургские востоковеды и члены Русского географического общества. По рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского, известного географа и хорошего знакомого Достоевского, Валиханов был избран членом Русского географического общества, которое опубликовало его путевые записки. Валиханов встречался с Чернышевским, испытал влияние, революционно-демократических взглядов. В 1865 году Валиханов умер от чахотки.

¹ Обобщенным именем киргизов в те годы называли ряд народов, населявших Среднюю Азию.

Достоевский жил вместе с солдатами в казарме, но вскоре ему разрешили жить отдельно. Он состоял под наблюдением фельдфебеля, который за малую «мзду» не особенно часто беспокоил его.

Первое время солдатской службы Достоевский чувствовал себя очень одиноким. Позднее он познакомился с некоторыми офицерами и чиновниками, подружился с семипалатинским прокурором А. Е. Врангелем.

Дружба с А. Е. Врангелем, чтение, занятия литературой немного скрашивали суровый солдатский быт (Достоевскому приходилось ежедневно два-три часа стоять в строю; особенно изводил парадный тихий шаг в три приема, введенный еще при императоре Павле).

Летом в Семипалатинске было страшно душно. Песок накалялся, малейший ветер поднимал облака пыли и мелкого песка, засыпал глаза и проникал всюду. А. Е. Врангель решил переехать за город, как только степь и деревья зазеленеют, и пригласил с собой Достоевского. Возле дачи, которую выбрал А. Е. Врангель, был огромный сад. Врангель как естествоиспытатель выписал из Риги семена цветов и овощей, вместе с Достоевским он устроил парники, подготовил рассаду. Достоевский очень радовался всему этому и не раз вспоминал детство и Черемошну.

Дом, в котором они поселились с Врангелем, был очень ветхим, мебели не оказалось. Зато «зала» выходила на террасу, перед которой друзья разбили цветники, и семипалатинские дамы приходили смотреть как на чудо на георгины, гвоздики, левкои.

Усадьба находилась на высоком берегу Иртыша, к реке шел отлогий зеленый луг. Здесь, в зарослях ивы и тростника друзья устроили шалаш.

Они ездили верхом в густой бор, в окрестные зимовья и в степь с разбросанными по ней юртами киргизов. Очень хороша степь ранней весной. Она была вся в цвету, благоухала и расстилалась как дивный ковер. Киргизы с радостью принимали путешественников: поили свежим кумысом, угощали баарным, твердым, как камень, сыром, пловом с баариной и колбасой из копченого мяса молодень-

кого жеребенка. Один раз Достоевский участвовал даже в псовой охоте. Но вообще охоты он не любил.

А. Е. Врангель оказался добрым, отзывчивым человеком. Он был на двенадцать лет моложе Достоевского, окончил Лицей, служил в Министерстве юстиции. Мечтая «о пользе родины, о самоотвержении», сам вызвался поехать в Восточную Сибирь. А. Е. Врангель увлекался естественными науками и изучал жизнь и быт Сибирского края. Когда Достоевский и Врангель познакомились, Врангель исполнял должность прокурора в Семипалатинске. Либеральная прокурорская деятельность Врангеля, его стремление облегчить участь невольных преступников из низших слоев населения вызывали неудовольствие его сослуживцев-чиновников и местных властей.

А. Е. Врангель со всем пылом молодости увлекся Достоевским, личность которого, по-видимому, оказалась на него сильное влияние. Он писал своим родным: «Судьба сблизила меня с редким человеком, как по сердечности, так и умственным качествам; это наш юный несчастный писатель Достоевский. Ему я многим обязан и его слова, советы и идеи на всю жизнь укреплят меня. Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной». А. Е. Врангель принимал близкое участие в Достоевском, помогал ему материально. Позднее Достоевский писал брату: «... есть люди, которые мне сделали столько бескорыстного добра, что еще никто не сделал столько... Этот человек барон Врангель».

Врангелю многое нравилось в Достоевском: его сострадание к несчастным и забытым судбою, его рассказы, мужество, с которым он переносил все лишения. «Чудные минуты пережил я с ним, — вспоминал Врангель. — Как много дало мне сближение с такой чудной, богато одаренной натурой. Между нами за все время нашего жития не пробежала ни одна тучка, не было ни одного недоразумения... Не раз, когда я по молодости моих лет и житейской неопытности приходил в отчаяние от окружающей меня гнусной среды, в которой я принужден был работать, когда подчас, казалось, силы оставят меня в борьбе со злом, — Ф. М. всячески поддерживал во

мне энергию, подбодрял меня своими советами и участием. За многое я ему благодарен. На многое он открыл мне глаза, и особенно я чту его память за чувство гуманности, которое он вселил в меня».

О чём только не переговорили Достоевский и Врангель! Достоевский начинал свои рассказы чуть не шепотом, но потом все больше воодушевлялся, голос становился все звучнее и звучнее, а в минуты особого волнения он как бы захлебывался и приковывал слушателя страстью речи. Он с восторгом говорил о Христе, но в церковь ходил редко и попов не любил. Когда касались политических вопросов, Достоевский замечал, «что политический переворот в России пока немыслим, преждевременен, а о конституции по образцу западных, — при невежестве народных масс и думать смешно».

А. Е. Врангель был добрым другом и наперсником в бурно развивавшемся романе Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой. «Она явилась мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу», — вспоминал Достоевский.

Марии Дмитриевне, дочери директора гимназии в Астрахани, худощавой, красивой блондинке, во время знакомства с Достоевским было 28 лет. «Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице... Она была начитана, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна», — вспоминал Врангель.

Муж Марии Дмитриевны, семипалатинский учитель А. И. Исаев — тихий, добрый, образованный человек, очень сочувственно отнесся к Достоевскому, который давал уроки сыну Исаевых — Паше. Исаев сильно пил и был болен чахоткой. Семья его жила бедно и не очень счастливо. Марии Дмитриевне приходилось ограждать сына от трубы отца. Вскоре у А. И. Исаева осложнились отношения с местным начальством, и он должен был переехать с семьёй в Кузнецк. Разлука приводила Достоевского в отчаяние. «Тут-то я почувствовал, что осиротел», — писал он. Проводив Марию Дмитриевну, Достоевский долго ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал прошедшее за год, который прошел для него так незаметно: «Припомнил все, все, —

рассказывал он, — и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей».

Жила Мария Дмитриевна в Кузнецке "трудно и безрадостно. Как-то пришло от нее письмо с известием, что А. И. Исаев умер. Она осталась одна, без средств. Достоевский через Врангеля помогал ей.

Черты личности Исаева отразились в образе бедного учителя в повести «Дядюшкин сон» и Мармеладова («Преступление и наказание»). Большой, несчастный, раздражительный, он мог совершить неблаговидный поступок по отношению к человеку, которого любил. Исаев, умирая, думал о том, как много горя он принес Марии Дмитриевне, и раскаивался в этом. Учитель из повести Достоевского заболевает от нравственных мучений и, наконец, умирает, так как не может пережить «низость» своего поступка по отношению к героине.

Мария Дмитриевна была натурой неуравновешенной, мятущейся. После смерти мужа она получила предложение от Н. Б. Вергунова, учителя уездной школы в Томске. «Ее счастье я люблю более моего собственного», — писал Достоевский и стал хлопотать, чтобы как можно лучше устроить будущую семейную жизнь Марии Дмитриевны и Вергунова. Достоевский просил Врангеля помочь Вергунову перейти в другую школу, чтобы обеспечить Марию Дмитриевну материально. Мария Дмитриевна была бесконечно привязана к Достоевскому и все же колебалась и сомневалась в определении своей судьбы. Черты ее личности отразились в образе Екатерины Ивановны в романе «Преступление и наказание» и в образе Настасьи Филипповны в романе «Идиот». О Марии Дмитриевне в эти годы Достоевский писал: «что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное... у ней сердце рыцарское: сгубит она себя». Он старался помочь Марии Дмитриевне, как мог: хлопотал о пособии за мужа, устраивал Пашу Исаева в кадетский корпус. Но в то же время Достоевскому мучительно тяжело. Он то ведет разговоры с Вергуновым о его жизни с Марией Дмитриевной и становится его другом, то ссорится с ним,

доказывая, что Вергунов с Марией Дмитриевной не могут быть счастливы.

Чувствуя, что он может потерять свое счастье, Достоевский стремится скорее освободиться от солдатской службы, просит Врангеля узнать об амнистии, о возможности печатания его произведений. В отчаянии, понимая, что наступил момент, от которого зависит его жизнь, счастье, решение Марии Дмитриевны, он пишет стихотворение на коронацию Александра II и просит своего товарища по Инженерному училищу Тотлебена, героя Севастопольской обороны, показать стихотворение царю. В результате всех хлопот Достоевский был произведен в офицеры. Мария Дмитриевна дала, наконец, Достоевскому свое согласие.

Готовясь к свадьбе, Достоевский посетил в Барнауле знакомого по кружку петрашевцев — географа П. П. Семенова-Тян-Шанского и был очень рад встрече. Затем поехал в Кузнецк, где обвенчался с Марией Дмитриевной, прожил две недели у Семенова-Тян-Шанского в Барнауле и вернулся в Семипалатинск.

Год жизни в Семипалатинске прошел, как в лихорадке: Достоевский с нетерпением ждал разрешения на переезд в Россию, волновался, можно ли ему будет жить в Москве.

Много лет лишенный журналов, Достоевский теперь с упоением читает их. Он знакомится с произведениями Писемского, Островского, восхищается «Дворянским гнездом» Тургенева.

В письме к Е. И. Якушкину, юристу и этнографу, сыну декабриста, который посетил писателя в Семипалатинске, был к нему внимателен и участлив, выполнял некоторые его просьбы и поручения в Петербурге, Достоевский пишет: «Живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня... Можете ли вы себе представить, что даже самые занятия литературой сделались для меня не отдыхом, не облегчением, а мукой. Это уже хуже всего». Его мучает незнание того, «что впереди и как рассчитать».

Наконец пришло разрешение на возвращение. 2 июля 1859 года Достоевский выехал из Семипала-

тинска с женой, взяв с собой и пасынка Пашу Исаева. Накануне он с волнением писал брату: «Наконец-то может быть увидимся, голубчик ты мой! Но поселиться в Москве ему не разрешили, и он, чтобы быть ближе к брату и недалеко от Москвы, где жили его сестры, выбрал Тверь.

Дорога была трудна, встретилось много неудобств. «Зато вознаграждала природа. Великолепные леса пермские и потом вятские — совершенство». Погода все время путешествия «стояла преблагодатная». Как-то «скитаясь в острогах Урала», среди леса, путешественники набрали на границу Европы и Азии. «Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидеть обетованную землю». Простились с Азией и направились дальше. В Казани Достоевский пробыл 10 дней, ожидая денег от брата, и «абонировался» читать книги в казанской библиотеке. Исключительное впечатление произвела на него ярмарка в Нижнем Новгороде. По дороге в Тверь заехали в Троице-Сергиеву лавру. Достоевский не был в ней 23 года. «Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление... Одежда нескольких веков, работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости, — не вышел бы оттуда». Но вот и Тверь. С трудом, после нескольких дней поисков, нашли небольшую и недорогую квартиру с мебелью, и с нетерпением стали поджидать Михаила Михайловича. Наконец, долгожданная встреча состоялась: «Много переговорили; да что! не расскажешь таких минут».

Достоевский тяготился жизнью в Твери. «Хоть Семипалатинск, в последнее время, изменился совершенно, — писал Достоевский, — не осталось ни одной симпатичной личности, ...но Тверь в тысячу раз гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, — даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваясь как можно скорее выбраться отсюда». Его очень беспокоит болезнь, и он хочет, как можно скорее, обратиться к хорошим врачам. Кроме лечения, Достоевский торопится еще принять участие

в издании своих сочинений, надеясь, что это освободит его хотя бы на некоторое время от материальной зависимости и даст свободу работать не «за кусок насущного хлеба», а «совестливо, честно, обдуманно».

Достоевский направляет письмо Александру II с просьбой разрешить проживание в Петербурге. Наконец разрешение получено, и Достоевский спешит в Петербург. Он везет две повести, которые вскоре увидели свет: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

Действие первой происходит в уездном городе с характерным названием — Мордасов. В нем живут гоголевские дамы — «просто приятные» и «приятные во всех отношениях», мелочные, тщеславные мужчины в модной маске онегинского разочарования. Сатирические и гротескные детали в облике жителей этого города напоминают уездный город из «Ревизора» и губернский из «Мертвых душ» Гоголя. Над всеми в Мордасове властвует Мария Александровна Москаleva, женщина бесконечно корыстная, циничная, умная, сознающая все ничтожество окружающих ее людей. Умело прикрывает она свои подлости «благородными» намерениями, иезуитски использует слабые стороны людей в своих целях. Она пытается женить старого князя на своей дочери.

Все старания князя придать себе вид молодого светского денди никого не вводят в заблуждение. Все знают и о парике, и о косметике, и об эластичном корсете, и о дряхлости князя. Тем страшнее выглядит борьба уездных дам, стремящихся отбить друг у друга «жениха» для своих дочерей.

Князь живет, как в полусне, действует в воображаемой им идиллии, с прекрасными дамами, высокими чувствами и старинными «рыцарскими» отношениями. На самом же деле он является игрушкой в руках порочных, корыстных, циничных людей. Оба плана — действительный и фантастический — переплетаются. В результате ловкой интриги князь чуть не женился. Сватовство, с точки зрения здравого смысла, так нелепо, что представляется ему сном. Отсюда и название — «Дядюшкин сон».

В «Селе Степанчикове» Достоевский рассказал, как Фома Опискин, обедневший дворянин, бывший шутом у генерала, прежнего владельца села Степанчикова, после его смерти превращается в деспота, которому добровольно подчиняются и добрый, благородный, но слaboхарактерный помещик Ростанев и его мать, женщина взбалмошная и капризная.

Жалкий Фома Опискин, в прошлом посредственный литератор, мало образованный и неумный, вообразил себя великим и даже гениальным писателем и ученым, стал разыгрывать роль нравственного руководителя, воспитателя добродушного Ростанева и его матери. И удивительно то, что ему все поверили и даже настолько подчинились его деспотическому влиянию, что не мыслили себе жизни без его «советов», «предвидений», «предсказаний», нравоучений, проповедей, наставлений. Под маской гуманизма в Фоме Опискине скрывался крепостник и ханжа. Опискин как будто одержим «модными» идеями о просвещении народа и потому мучает старых дворовых, уча их французскому языку и стараясь расстолковать им (и заодно патриархальному помещику) «неприличие» народной «Камаринской».

В этой повести Достоевский продолжил традицию гоголевского «Ревизора». В комедии Гоголя всеобщий страх и ощущение своей виновности создали страшного для всех Ревизора из легкомысленного, растерянного и запутавшегося Хлестакова. В повести Достоевского сознание исторической «вины» помещика перед крепостными крестьянами, боязнь ответственности за их судьбы создали из жалкого шута Фомы Опискина деспота, тирана, «гения» и «провидца».

Как отмечал Ю. Тынянов, Достоевский в некоторых монологах Опискина пародировал «Выбранные "места из переписки с друзьями" Гоголя. В повести в комической форме Достоевский коснулся важнейших вопросов своего времени — об отношении между крестьянами и помещиками, и типизировал бесхарактерную доброту, мечтательное и бессильное благородство и прекраснодушие, на почве которого вырастают такие страшные, деспотические типы, как Фома Опискин.

Достоевский придавал большое значение тому, в каком органе печати появится его первое после вынужденного перерыва произведение. Ему хотелось видеть свой роман в прогрессивном журнале, и он просил брата передать рукопись Некрасову — в «Современник». «Видишь ли, — писал Достоевский брату, — очень важно то, что роман будет напечатан в «Современнике». ... Для литературного моего значения это очень важно». Однако Некрасов, видимо, еще помня отказ Достоевского в 1846 году печатать свои повести исключительно в «Современнике», долго колебался в том, принять ли «Село Степанчиково». Сатирическая повесть Достоевского была на первый взгляд так далека от тех вопросов о герое времени, общественном деятеле, которые решала тогда русская литература в романах Тургенева («Рудин», «Дворянское гнездо»), Гончарова («Обломов»), что Некрасов не усмотрел в ней большой социальной глубины, обобщения и отказался напечатать повесть Достоевского. Один из современников вспоминал о Некрасове: «Ошибся он один раз, зато сильно, нехорошо и нерасчетливо ошибся с повестью Достоевского «Село Степанчиково»... которую тот привез из ссылки и которую редактор «Современника» уже по одному этому обязан был взять. «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше», — произнес Некрасов приговор, — и ошибся».

